

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

Полвека испанской арабистики.

За последние годы на ряду с обычными сборниками ученых статей, выходящими в связи с юбилейными датами в жизни крупных специалистов, по такому же поводу было выпущено несколько сборников с переизданием более мелких работ самих юбиляров. Этот обычай можно только приветствовать; он является, быть может, более рациональным способом почтить ученого, чем сборник статей, в большинстве случаев не объединенных никаким внутренним принципом. Сборники статей одного автора дают возможность специалистам иметь под рукой произведения, разбросанные в различных редких и малодоступных изданиях, не всегда представленных даже в больших библиотеках; они помогают получить ясное представление в одной картине о всем ходе научной эволюции юбиляра.¹

В области арабистики и исламоведения за последние годы появились два таких сборника,² имеющих выдающееся значение и отмечающих приблизительно одну дату — 70-летие жизни. В 1927 г. закончено шеститомное издание *Verspreide Geschriften* знаменитого голландского исламоведа С. Snouck Hurgronje,³ в 1928 г. вышло двух томное издание *Disertaciones y opúsculos* испанского арабиста Julián Ribera y Tarragó по случаю сорокалетия его профессорства.⁴ Несмотря на одновременное почти

¹ Приходится пожалеть, что из посмертных сборников не удалось до сих пор осуществить предположенное переиздание *Kleinere Schriften* I. Goldziher'a, которое намечалось фирмой Heinz Lafaire. Теперь, при наличии прекрасной библиографии, составленной В. Heller'ом (*Bibliographie des oeuvres de Ignace Goldziher avec une introduction biographique de M. Louis Massignon, Paris, 1927*), оно было бы особенно полезно.

² Я не говорю о неоконченном (двухтомном) сборнике работ С. Н. Becker'a, *Vom Werden und Wesen der islamischen Welt. Islamstudien*, первый том которого вышел в Лейпциге в 1924 г.

³ С. Snouck Hurgronje, *Verspreide Geschriften (Gesammelte Schriften)*. I — VI. Bonn-Leipzig-Leiden, 1923-1927.

⁴ Julián Ribera y Tarragó. *Disertaciones y opúsculos*. Edición colectiva que en su jubilación del profesorado le ofrecen sus discípulos y amigos (1887—1927) con una introducción de Miguel Asín Palacios. I — II. Madrid, 1928. CXVI + 640 + 808.

появление обоих сборников, разница между ними очень велика. Конечно, в сборнике Снука, как в сборнике Риберы, перепечатан ряд статей из мало известных изданий на не всем доступном голландском или испанском языке, но тем не менее, если не все работы, то большинство их и во всяком случае общий характер деятельности Снука был и до этого хорошо известен широким кругам специалистов, справедливо признавших его после Гольдциэра главой современного исламоведения. Имя Риберы, по заслугам популярное и известное в Испании,¹ мало кому знакомо за ее пределами и едва ли даже среди арабистов найдется хотя бы десяток таких, которые имеют представление о главнейших трудах этого выдающегося ученого.²

Сборники имеют и другие существенные отличия. В издание, посвященное Рибере, так же как посвященное Снуку, естественно не вошли большие труды, напечатанные отдельными книгами, но в то время как в сборнике Снука представлено четыре языка, на которых появлялись его произведения, работы Риберы — и крупные и мелкие — написаны исключительно по-испански; только в последнее время заходит речь о переводе некоторых из них на другие языки Европы и востока. В его сборнике перепечатаны не только работы, связанные непосредственно с арабистикой или исламоведением, но и другие, входившие в круг его интересов и по существу возникавшие из его научных исканий на такие темы, как философия истории, марроканская проблема, педагогические вопросы, общественная жизнь Сарагоссы и вообще Испании. Благодаря такому составу, личность испанского ученого обрисовывается во всех ее проявлениях. Этому содействует и другое важное преимущество последнего сборника: он начинается с большого (116 страниц) введения крупнейшего ученика Риберы Miguel Asín Palacios, которое посвящено всесторонней характеристике деятельности юбиляра и представляет громадное значение для истории испанской арабистики и востоковедения вообще.³

В связи со всем этим сборник приобретает особо знаменательное значение: он дает возможность ясно представить себе характер испанской арабистики и всю планомерность, методичность и большие результаты ее

¹ О популярности его теорий в Испании можно судить по новейшей книжке Ángel González Palencia, *Historia de la literatura árabe-española*, Barcelona-Buenos Aires, 1928, passim. (Более кратко его основные теории формулированы в ранней книжке того же ученого *Historia de la España musulmana*, Barcelona-Buenos Aires, 1925, стр. 99—175 passim).

² Несколько слов о его работах см. у Д. К. Петрова в рецензии на издание хроники ат-Хушани (Восток, № 3, 1923, 201).

³ Это введение, помещенное в первом томе с римской пагинацией, в дальнейшем цитируется по имени автора со ссылкой на страницы, но без упоминания каждый раз о томе.

работы за последние пятьдесят лет. Сборник настойчиво говорит нам, что отношение европейских специалистов к испанской науке должно перемениться, что отсутствие знакомства с испанскими работами вредно отражается на поступательном движении арабистики вообще.¹ Есть все основания предполагать, что такое отношение теперь уже отошло в прошлое, но с наследием его приходится считаться еще и теперь. Нельзя отрицать, что над испанской арабистикой долгое время светила несчастная звезда:² суровый приговор Доzi над некоторыми ее представителями оказался роковым образом распространенным на все труды на испанском языке. Потребовалась работа почти двух поколений ученых, чтобы отменить этот приговор.³ Только произведения Асина, ученика Риберы, вызвали, на наших глазах, редко с такой силой вспыхивавший интерес к арабистическим работам и в Европе, и в Америке, и на востоке;⁴ строго говоря, лишь теперь, с выходом сборника статей Риберы, можно оценить, как упорно и методически интересно шла работа испанской арабистики за несколько десятилетий до появления работ Асина, шла почти без всякой поддержки внутри и почти в полной изолированности от ученых других стран. Если первым родоначальником новой школы испанских арабистов является Codera y Zaidín,⁵ то ее основателем и наиболее энергичным деятелем выступает его ученик Рибера.

Дать полную характеристику его разносторонней деятельности в пределах статьи невозможно: самым лучшим приемом для этого был бы перевод «введения» Асина и той речи, в которой сам Рибера окинул взором (Examen retrospectivo) разные этапы своей работы в 1925 г. при избрании

¹ Ср. слова D. B. Macdonald'a в «The American Historical Review», цитуемые Asín'ом, СХ.

² Чувствуется, что современные испанские ученые испытывают на себе это особенно болезненно, как можно видеть по частым замечаниям Asín'a, XXXV, XL, CI.

³ Суждения Dozy теперь вообще рассматриваются иначе, чем в предшествующие полвека. См. В. В. Бартольд, Памяти Р. Доzi. 1820—1920. ИАН 1921, 229—244.

⁴ Ближайшим образом это надо сказать о его работе «La escatología musulmana en la Divina Comedia» (Madrid, 1919), история полемики по поводу которой и разбор более чем 80 рецензий занимает 102 страницы в изложении самого автора (La escatología musulmana en «La Divina Comedia». Historia y crítica de una polémica. Madrid, 1924. Несколько сокращенное изложение в «Revue de Littérature comparée», IV, 1924, 169—198, 389—407, 537—556). Эта работа переведена на английский и французский язык и вышла в популярном изложении автора Dante y el Islam (Collección Hispania), Madrid, 1927. Основные выводы повторяет A. González Palencia, Historia de la literatura arábigo-española, Barcelona-Buenos Aires, 1928, 298—305.

⁵ Общую оценку научной деятельности Кодеры дал E. de Saavedra в сборнике в честь первого Homenaje á D. Francisco Codera en su jubilación del profesorado, Zaragoza, 1904, IX—XXVII; список его работ до 1903 года, там же, XXIX—XXXVIII. Несколько слов, характеризующих начало нового периода испанской арабистики, у Asín'a, XVII.

директором *honoris causa* Общества Культуры Валенсии.¹ Однако, всякому арабисту необходимо ознакомиться и с основными этапами его научного развития и с существенными выводами его работ. Я попытаюсь сделать это в общих чертах, руководствуясь как сборником, так и не вошедшими в него работами Риберы, а в равной мере упомянутой статьей Асина и трудами некоторых других испанских ученых.

Еще при первом беглом ознакомлении с работами Риберы в хронологическом порядке останавливает внимание самый ход развития тем, далеко не всегда с такой ясностью вырисовывающийся у ученых: ход от частного к общему, от детального анализа к широкому синтезу и соответствующим выводам. Останавливает внимание и то, что специальный интерес постепенно заставляет затрагивать основные проблемы связанных с ним областей, расширяя круг внимания: исторические частичные изыскания влекут в область философии истории, исследование системы образования в исламе вызывает пересмотр ряда педагогических теорий нового времени и современности. Тесно и органически в работе Риберы прошлое оказывается связанным с вопросами современности: не только проблемы Марокко в их настоящем, но даже и жизнь Испании теперь совершенно естественно входит в круг горизонта его анализирующего ума. Поэтому, несмотря на большое по внешности разнообразие затрагиваемых им тем, они генетически между собой связаны и естественно вытекают одна из другой. Это разнообразие имеет такой же внешний характер, как различные наименования кафедр, занимавшихся им. С 1887 г. он был в Сарагоссе профессором арабского языка, с 1905 г. в Мадриде профессором по кафедре истории культуры евреев и мусульман, с 1913 по 1927 г. там же профессором по кафедре арабско-испанской литературы.² Эти разные кафедры связаны между собой так же тесно и органически, как личностью Риберы объединяется не только его чисто научная, но и руководящая деятельность, распространившаяся плодотворно и на создание ряда периодических серий, и на усовершенствование арабской типографии и на руководство школой своих учеников. Во всех этих областях успех его неизменно сопровождал; в создании школы быть может не малую роль сыграло то обстоятельство, что ему выпало счастье иметь хорошего учителя и с первых же шагов преподавания найти хороших учеников.

И редкий случай в жизни ученого: он мог вести совместную научную работу со своим учителем более тридцати лет, а теперь тоже более трид-

¹ II, 336—362.

² Asin, XXIII примеч.

цати лет ведет такую же совместную работу со своими старшими учениками. Теплое чувство всегда сквозило в словах Риберы, когда ему приходилось говорить о своем учителе. В 1904 г. его стараниями был издан сборник ученых статей, посвященных Кодере по случаю его юбилея;¹ число испанских участников говорило о силе уже созданной школы, а самое издание сделало бы честь любому востоковедному центру, не только провинциальному городу Испании. На склоне лет в 1915 г. Кодере было поручено приветствовать Рибера при его вступлении в Королевскую Академию Истории: в торжественной для обоих обстановке они могли в своих речах высказать, насколько в научной работе они обязаны друг другу.² В 1919 г. Рибера помянул уже покойного шефа школы, общего учителя, в блестящей характеристике их талантливого ученика Асина, приветствуя его при вступлении в Королевскую Испанскую Академию.³ С таким же теплым чувством, оглядываясь на свою прошлую научную работу в 1925 г., Рибера помянул и своего старшего ученика, рано умершего Pons y Voigues.⁴

Основные темы работ Риберы производят, с первого взгляда, впечатление большого разнообразия. Двигаясь в хронологической последовательности, их можно разбить на следующие группы: история образования у мусульман, история библиотек, история юридических установлений, история философии; история романского языка среди арабов Андалусии, происхождение средневековой лирики и эпоса, история арабской музыки и ее влияния на европейскую. Большинство этих тем у него всегда рассматривается в аспекте связи востока и запада, представляя одинаковый интерес и для арабистов и для медиевистов в широком смысле. История мусульманского образования выясняет вопрос о начале высших школ

¹ Homenaje á D. Francisco Codera en su jubilación del profesorado. Estudios de erudición oriental con una introducción de Eduardo Saavedra. Zaragoza, 1904. 8° XXXVIII + 656.

² Слова Риберы в его перепечатанной в сборнике речи (I, 94—95); соответствующее место у Кодеры см. в «Discursos leídos ante la Real Academia de la Historia en la recepción pública del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 6 de junio de 1915», Madrid, 1915, 71—75.

³ I, 470. Обе речи, произнесенные Риберой при аналогичных случаях в 1919 и 1924 году (I, 457—476 и 477—488) дают ценнейший материал не только для характеристики Асина, но вообще для истории и «философии» всей испанской школы арабистов. Не в меньшей степени то же можно сказать об упомянутом уже Examen retrospectivo самого Риберы.

⁴ II, 338—339. Кроме ряда мелких работ и перевода произведения Ибн Туфейля, о котором будет речь ниже, ему принадлежит капитальная, хорошо известная арабистам работа «Ensayo bio-bibliográfico de los historiadores y geógrafos arábigo-españoles», Madrid, 1898; неизданным остался его аналогичный труд о медиках и натуралистах.

в Европе и системе экзаменов, история судебных учреждений проливает свет на своеобразные юридические установления Арагона и выдвигает интересную теорию подражания в истории, которая уже нашла дальнейшее применение в трудах испанской школы арабистов. Изучение Ибн ал-'Араби освещает неясные до тех пор источники философии Р. Люллия; происхождение средневековой лирики, эпоса и музыки теперь представляется в совершенно другом виде, чем до работ Риберы. Если добавить про те отвлеченные от арабистики вопросы, как сущность педагогики, научность истории, то Риберу придется назвать не только арабистом, не только исследователем — историком мусульманской культуры в широком смысле, но и оригинальным мыслителем.

Его внимание к педагогическим вопросам и к постановке высшего образования, быть может, отчасти объясняется тем, что он не сразу нашел свою специальность. Уже после получения степени доктора юридических наук¹ он подпал под влияние профессора Кодеры и, начав у него занятия арабистикой 24 лет в 1882 г.,² уже через пять лет в 1887 г. мог занять кафедру.³ Первые годы занятий у Кодеры сразу ввели молодого юриста в научную арабистическую работу: он принял живое участие в подготовке первых трех томов предпринятого Кодерой издания *Bibliotheca Arabico-Hispana*, известного собрания капитальных источников для истории арабского владычества в Испании — серии в десять томов, которая делает такую же честь испанской науке, как *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* голландской. Эта работа дала ему не только основательную филологическую подготовку и большую палеографическую опытность, но и ближайшее знакомство с типографской техникой: в последней области он достиг не малого совершенства. Дело в том, что, не располагая в Испании ни одной подходящей типографией с арабским шрифтом, Кодера рискнул начать набор *Bibliotheca* в своей собственной квартире, небольшим запасом приобретенного им на собственные средства шрифта. Первыми наборщиками были студенты — ученики Кодеры;⁴ благодаря энергии Риберы дело удалось поставить более прочно и последние тома *Bibliotheca* могли выйти при помощи все той же оригинальной типографии в 1893—1895 гг.⁵ Любовь к типографским занятиям у Риберы осталась навсегда: благодаря его остроумному проекту касса арабского набора была сведена до 24 пун-

¹ Предисловие к *La Enseñanza entre los Musulmanes Españoles*³, Cordoba, 1925, 6.

² Выбор специальности, как он говорил впоследствии, был для него самого неожиданностью — I, 94.

³ *A sin*, XXIII примеч.

⁴ См. благодарность Кодеры в предисловии к первым двум томам *ВАН* I, 20.

⁵ *A sin*, XXVIII—XXIX.

сонов. Проект, являющийся известной революцией в арабском типографском деле, был введен в жизнь с 1909 г. и с этого времени все арабские тексты в Испании печатаются шрифтом, связанным с именем Риберы.¹

Работа над *Bibliotheca Arabico-Hispana* дала ему не только методическую подготовку во всех отношениях: она доставила ему материал для первых научных исследований. С 1886 по 1890 г. появляется систематически ряд его мелких статей по истории, культуре и исторической географии родной ему провинции Валенсии за арабский период;² в большинстве случаев данные извлекались из подготовляемых к печати томов *Bibliotheca Arabico-Hispana*. И впоследствии, занятый более широкими темами и работая уже в Мадриде, а не Сарагоссе, он периодически возвращается к вопросам местной истории в различных провинциальных изданиях.³ В 1925 г. избранный директором *honoris causa* в обществе *Centro de Cultura Valenciana* он произнес обширную речь ретроспективного характера, в которой не только выяснил связующую нить в собственных работах по местной истории, но и дал интересную характеристику постепенной эволюции своей научной деятельности вообще.⁴ Можно, наконец, отметить, что в одной из статей, рецензируя испанскую книгу, он на ее примере показал достаточно сурово, как не следует писать местную историю. Статья относится к 1906 г. и в сборнике, очевидно в параллель к оценке научной деятельности Асина (*El arabista español*), названа «*El pseudo arabista*».⁵

Не все работы его за ранний «сарагосский» период увидели свет. Поездка в королевский архив в Барселоне открыла богатый фонд арабских дипломатических документов по сношениям Арагонского королевства с мусульманскими владениями на востоке, в северной Африке и в Гренаде. Систематический каталог был составлен, но не опубликован: в настоящее время его учениками готовится полное издание и перевод всего фонда.⁶ Кроме Барселоны еще одно местное собрание доставило ему материал для отдельного труда. Не за долго до этого времени, в 1884 г. в небольшом арагонском местечке было обнаружено ценное собрание арабских и альха-

¹ Asín, CXIII—CXIV. Система была усовершенствована по указаниям Риберы испанским нумизматом и инженером Prietou Vives (II, 334).

² Статьи объединены в сборнике под общим названием «*Historia árabe valenciana*» (II, 177—362).

³ Статьи на эти темы появляются в 1906—1909, 1911, 1913 г. (II, 300—330).

⁴ II, 336—362. И после этого темы из родной истории продолжают его привлекать, как видно по статьям 1926 и 1927 г. — II, 244 и 326.

⁵ I, 489—492.

⁶ Asín, XXV—XXVI.

миадских рукописей: Рибера занялся исследованием их вместе с владельцем — своим коллегой по профессуре в Сарагоссе и еще одним местным ученым. В результате в 1888 г. им была собственноручно отлитографирована «*Collección de textos aljamiados*», которая почти в течение 30 лет служила «начальным катехизисом» всех испанских арабистов при ознакомлении с красочной и оригинальной литературой морисков.¹ В 1898 г. им, на основании материалов этого собрания, был прочитан ряд лекций о «предрассудках морисков»,² и в 1912 г., после перехода собрания в библиотеку *Junta para ampliación de estudios*, совместно со своим учеником Асином, дан полный каталог³ с обстоятельным, написанным им введением.⁴

Отсутствие в испанских и вообще в европейских собраниях целого ряда источников по истории Испании, несомненно существующих на востоке, подали Рибере идею, аналогичную с той, которую осуществил в 40 гг. Френ: составить для распространения на востоке и среди путешественников по востоку список тех сочинений, открытие и приобретение которых представляло бы интерес для науки.⁵ Так как в данном случае список предназначался, главным образом, для распространения среди антикваров и библиофилов в Фесе, которые отнеслись бы отрицательно ко всякому произведению, исходившему из Европы, то его нужно было издать литографски, по возможности замаскировав происхождение.⁶ С этой целью список, составленный по указаниям Кодеры, был переписан для литографии Риберой с соблюдением всех тонкостей магрибинской палеографии.⁷ О мастерстве и больших знаниях переписчика говорит неожиданный побочный результат. Из Марокко один экземпляр этого списка попал случайно в руки известного немецкого знатока Марокко G. Kampffmeyer'a, который принял его за воспроизведение старой рукописи и опубликовал под соответствующим

¹ Asín, XXVI—XXVII.

² I, 493—523.

³ *Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta. Noticia y extractos por los alumnos de la Sección árabe bajo la dirección de J. Ribera y M. Asín.* Madrid, 1912.

⁴ С некоторыми сокращениями введение перепечатано в сборнике I, 417—433.

⁵ *Institutions bibliographiques relatives pour la plupart a la littérature historico-géographique des arabes, des persans et des turcs, spécialement destinées a nos employés et voyageurs en Asie.* St. Pétersbourg, 1845. (С русским текстом en regard.) Френом же еще в 1834 г. был составлен список ста восточных рукописей для той же цели.

⁶ Арабский титул: *فهرست الكتب في تاريخ الاندلس و المغرب*. Экземпляры с обложкой имеют французское заглавие: *Catalogue de quelques livres d'Histoire d'Espagne dont on désire l'acquisition ou au moins la connaissance de leur existence pour en tirer copie.* Madrid, 1888. Брошюра содержит перечень 153 произведений, относящихся ко времени до эпохи Ибн Халдуна.

⁷ Asín, XXVII—XXVIII.

заглавием «Eine alte Liste arabischer Werke zur Geschichte Spaniens und Nord-West-Afrikas»¹ с детальным палеографическим анализом «архаического» письма и обстоятельными историко-литературными комментариями, не подозревая, что переписчик списка мало кому известный современный испанский арабист.

Издание *Bibliotheca Arabico-Hispana* было закончено в 1895 г.; оно закрепило за школой Риберы арабскую типографию, которая позволяла теперь печатать научные работы с арабским шрифтом. Параллельно с этим у Риберы возникает идея о необходимости создания популярной серии научного характера, в которой можно было бы опубликовывать серьезные труды, имеющие широкое значение. Такая серия постепенно могла вызвать в испанском обществе интерес к востоковедению, в частности арабистике, и тем самым придать ему более прочное положение. Идея была осуществлена, при чем, как и типография, путем исключительно частной инициативы. В новой серии «*Collección de estudios árabes*» томиками небольшого формата между 1897 и 1909 гг. вышло семь работ самого Риберы, его учителя Кодеры и трех ближайших учеников.² Уже после смерти Кодеры в 1917 г. серия была дополнена двумя томиками посмертных работ патриарха испанской школы.³

Collección была предназначена для помещения отдельных крупных работ. Более мелкие статьи научно-популярного характера, по прежнему, не находили себе приюта. В связи с этим Рибера задумал еще одно периодическое издание. Осуществить периодический орган специально по востоковедению для Испании этой эпохи было немислимо; поэтому Рибера, в компании с профессором истории в Сарагоссе, основал журнал общенаучного характера *Revista de Aragon*, в котором солидное место уделялось работам его школы. Издание просуществовало с 1910 г. шесть лет и постепенно замерло с переходом Риберы в Мадрид;⁴ в нем было помещено большинство общих работ и самого основателя за этот период — его статьи по педагогическим вопросам (1899—1903), о марроканской

¹ *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen* (Berlin), IX, 1906, *Westasiatische Studien*, 74—110.

² О работе Риберы в этой серии будет речь впереди; из трудов его учеников здесь особенно ценно капитальное исследование Асина об ал-Газали (том VI) и перевод произведения Ибн Туфейля, данный Ронс у Voignes (том V). О последнем см. замечания Д. К. Петрова, Одна из испано-арабских проблем, *ЗКВ*, II, 75—76. О дальнейшем развитии проблемы Ибн Туфейль — Gracián, см. мою статью в *Litteris*, vol. IV, March 1927, 28—33 и формулировку A. González Palencia, *Historia de la literatura árabe-española*, 321—323.

³ Asín, XXX, прим. 1.

⁴ Asín, XXX—XXXII.

проблеме (1901—1905), по философии истории, по общественной жизни Испании и Сарагоссы (1900—1905).¹

Трудно себе представить, как при наличии трех серий, организация и ведение которых требовали систематического наблюдения и большой затраты как энергии, так и времени, Рибера находит возможность заниматься и чисто-научными трудами, кроме непосредственного участия в руководимых им изданиях. Между тем и сарагосский период ими так же богат, как мадридский. Особенное значение имеют здесь два ряда его исследований.

Началом первого из них служит его первая работа по истории культуры, которая вышла в 1893 г. в Сарагоссе под названием «Образование у испанских мусульман».² Без всяких предшественников в арабской и арабистической литературе, основанная на систематическом просмотре первоисточников, изданных и рукописных, она и до сих пор является единственной в своем роде. Как исходный пункт Рибера ставит вопрос о вмешательстве государства в образование и решает его положительно для восточного ислама, отрицательно для мусульманской Испании. В последней государственное воздействие чувствуется только в эпоху упадка, или под прямым восточным влиянием или из подражания христианам. В индивидуальной или социальной инициативе частных лиц при полной свободе Рибера находит объяснение организации всего образования и расцвета культуры в Испании. Он подвергает последовательному анализу начальную школу, различные дисциплины высшего образования, дает характеристику учителей, школьной жизни и учеников, разбирает вопросы о месте, языке и длительности обучения, об ученых степенях и переходе их в христианскую Испанию, о библиотеках и образовании женщин.

Эта работа в научной деятельности Рибера оказалась особенно плодотворной по своим результатам. С одной стороны, вопрос о вмешательстве государства в образование и его система, привлек его внимание к педагогическим теориям вообще. Их анализ вызвал ряд статей по вопросу о современном высшем образовании в Испании, об экзаменах, горячим противником которых Рибера является³ и, как завершение их, большой двухтомный

¹ Последняя серия статей помещалась им под псевдонимом D-г Вгауер, представляющей своеобразную анаграмму к фамилии Ribera (II, 639—796). В дальнейшем к этой серии я не возвращаюсь.

² В основе лежит вступительная лекция в курс 1893—1894 г. Второе издание опубликовано Королевской Академией в Кордове в 1925 г. В сборнике работа перепечатана I, 229—359. Краткая формулировка ее A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 118—119.

³ II, 483—635.

труд «Педагогический предрассудок».¹ Он посвящен анализу приемов современного обучения педагогами и их результатам; вторая не опубликованная, но готовая часть анализирует приемы изучения.² С другой стороны, работа об образовании в мусульманской Испании явилась только одной частью большого целого: «История учебных установлений в мусульманских государствах востока». Работа полностью не закончена, хотя материал для нее — гораздо более обширный и разбросанный чем для первой темы — собран годами. О плане работы можно судить по первой. Особенное внимание в ней посвящено вопросу о происхождении школ, при чем вывод, к которому приходит Рибера, таков: организация учебных учреждений в восточном исламе не является местным продуктом. Она — подражание или копия других сходных организаций, существовавших в древних государствах дальнего востока, ближайшим образом Китая. Осуществлено это подражание через связь с промежуточными цивилизациями, особенно персидской. Последняя главным образом содействовала прогрессу мусульманской культуры, но она же внесла в политическую и административную организацию ту систему государственного вмешательства, которое характерно для монархий дальнего востока.³ Из этой большой работы до сих пор опубликована только одна глава — о происхождении Медресе Низамие в Багдаде.⁴ Начало этого медресе он ставит в связь с медресе в Нишабуре, которое, в свою очередь, возникло под влиянием различных медресе толка каррәмитов, имевших прототип в буддийских ученых монастырях.⁵ Помимо этого основного источника в организации можно уловить некоторые следы христианско-византийских влияний.

Развитием одной из глав исследования об образовании в мусульманской Испании явилась через два года интересная работа «Библиофилы и библиотеки мусульманской Испании». Монография захватывает вопрос широко: анализирует причины распространенности книги среди арабов, дает обзор главных библиотек, как халифских, так и частных в Кوردове и других городах, рисует тип библиофила и выдвигавшие его социальные классы, указывает на любовь к книге среди женщин и мозарабов, перечисляет наиболее известных каллиграфов, выясняет организацию библиотек и

¹ La superstición pedagógica. Madrid, 1910. I—II, 236 + 262 стр.

² Asín, LXXIII примеч.

³ Asín, XXXV—XXXVII.

⁴ Первоначально в сборнике в честь F. Codera в 1904 г. (стр. 4—17), перепечатано здесь I, 361—383. Работа, повидимому, не известна автору новейшей статьи об этом медресе Reuben Levy, The Nizamiya Madrasa at Baghdad, JRAS, 1928, 265—270.

⁵ Ср. аналогичный, сделанный независимо от Риберы вывод В. В. Бартольда, Ислам, II. 1918, 52.

в заключение производит приблизительный подсчет книжных богатств мусульманской Испании. Работа представляет образчик изящной научно-популярной монографии и явилась одной из наиболее известных в Испании работ Риберы. Она выдержала четыре издания,¹ причем для перепечатки в настоящем сборнике автором дополнен научный аппарат в виде извлечений и цитат из источников, отсутствовавший в первоначальном издании.²

Наряду с вопросами образования в мусульманских странах Рибера в сарагосский период усиленно занимался историей мусульманских юридических установлений. Толчок исходил из условий местной среды. В Арагоне существовала должность верховного судьи (*Justicia Mayor*) со специфическими полномочиями, которая не находила себе параллелей в организациях древности и средневековья, и поэтому считалась оригинальным продуктом местного самостоятельного происхождения.³ Ближайшее ознакомление с мусульманским миром показало Рибере, что истоки этого учреждения находятся в известном институте *назар ал-маз̄алим*, председатель которого *с̄ах̄иб ал-маз̄алим* является прототипом *Justicia Mayor*. Сопоставление уже само говорило за себя, но приходилось для установления факта бороться с вековым предубеждением испанских ученых против всего мусульманского, которое особенно болезненно сказывалось в вопросах заимствования. Поэтому работа Риберы под скромным заглавием «Происхождение арагонской хустисии»⁴ приняла характер диалектического произведения с принципиальным обоснованием теории подражательности в истории. Большая часть книги посвящена не столько конкретному факту, сколько развитию этой теории.⁵ Работа в этом аспекте приобретает уже не специальное, а общее значение; плодотворность основной идеи была доказана последующими трудами и самого Риберы и его школы.⁶ Одной из иллюстраций этой теории явилась его статья 1899 г. «Происхождение философии

¹ Первоначально в сарагосском журнале *La Derecha* и отдельным оттиском оттуда, второе издание вышло уже в 1896 г. там же, в 1925 г. перепечатана в Кордове Королевской Академией вместе с исследованием *La Enseñanza...* В сборнике занимает I, 181—228. Краткое изложение работы у *A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 139—142.*

² В сборнике опущено однако предисловие к кордовскому изданию, в котором автор излагает (стр. 99—101) историю возникновения работы и свои дальнейшие планы в этом направлении.

³ Ср. Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, III, 312.

⁴ *Orígenes del Justicia de Aragón. Colección de Estudios Arabes. II. Zaragoza, 1897, Ср. A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 105—107, 169.*

⁵ Изложение ее у *Asín'a XLVI—LII.*

⁶ Капитальное значение в этом смысле имеет упоминавшаяся уже работа «*La escatología musulmana*» *Asín'a.*

Р. Люллия»,¹ в которой ему удалось установить непосредственную связь этого «христианского суфия» с произведениями известного мусульманского мистика Ибн ал-'Араби.² По инициативе Риберы³ эта тема была обстоятельнее разработана Асином,⁴ было найдено заявление самого Люллия, что книгу *El Amigo y el Amado* он написал в подражание мусульманским мистикам, но и через много лет, с горечью видя медленное проникновение идей своей школы в среду специалистов, Рибера говорил, что «люллисты отрицают то, что заявлял открыто сам Люллий».⁵

Формулировка теории подражания увлекла Риберу еще глубже в вопросах об историческом исследовании: в своей работе «Научное в истории» он проводит анализ самой сущности истории, которую нет возможности без оговорок вводить в обще принятое понятие науки.⁶ Ближайшим толчком к этой работе послужило создание в 1900 г. во Франции журнала «*Revue de Synthèse Historique*», в котором между прочим был помещен ряд работ по вопросу о том, что такое история. Особенно близкое участие в обсуждении приняли румынский профессор Xenopol (автор «*Les principes fondamentaux de l'histoire*»), француз Lacombe (автор «*De l'histoire considerée comme science*»), швейцарец Ricker и италиец Pascual Villari.⁷ Полагая в основу анализ, главным образом, двух первых работ, Рибера проводит ту мысль,⁸ что история ни по своему объекту или материи, ни по своей специальной точке зрения, ни по методам и логическим приемам не может составить специальной науки, отличной от других наук; она представляет собой только поле наблюдения, необходимое для сбора тех колоссальных материалов, которые питают и оживляют все науки. Эта мысль основана на том, что по его мнению всякое прошлое, как всякое настоящее, необъятно и индивидуально; и то, и другое представляет одинаковый объем изучения; исследование прошлого требует тех же методов и логических построений, как и настоящего; и то, и другое представляет область общую и для художников и для ученых. Таким образом, по определению Риберы,⁹ история, изучаемая с научными целями, единственно состоит в знаниях, которые сами по себе не представляют науки, располо-

¹ I, 151—179.

² I, 176.

³ Ibid., 179.

⁴ Ibid., 473.

⁵ II, 40. Основные выводы работ Риберы и Асина о Люллии изложил A. González Palencia, *Historia de la literatura arábigo-española*, 293—297.

⁶ I, 529—637. Ср. Asín, LXII—LXV.

⁷ I, 529—530.

⁸ I, 567—568.

⁹ I, 588—589.

женных и систематизированных в форме, наиболее пригодной для того, чтобы человеческий ум мог находить сходство и соотношения, которые или обогащают фонд наук уже существующих, или вызывают из лона истории другие, еще неродившиеся, науки. В техническом отношении история может быть определена, как искусство наблюдать прошлые события не непосредственным образом и на соответствующем расстоянии, с целью открыть не установленные еще принципы или подтвердить уже принятые истины. Таковы принципиальные выводы этого исследования «о научном в истории», которое в своей основе вытекло из работы Риберы над арагонским судом.

Только один раз Рибере удалось побывать в арабских странах: зиму 1893 г. он провел в Марокко, будучи прикомандированным к специальной дипломатической миссии,¹ и работал над изучением местного населения и библиографическими изысканиями. И, много еще лет спустя, чувство благодарности к правительству, которое дало возможность осуществить эту поездку, было живо у Риберы.² Ближайшее ознакомление с испанской политикой и действиями дипломатии на севере Африки вызвало у него в 1901—1905 г. ряд статей по марроканскому вопросу³ и идею создания особой школы арабистов, как ученых, так и практиков «Centro de Estudios arabes».⁴ Эта идея, подробно и обстоятельно развитая, не нашла своего осуществления, в связи с постоянными колебаниями политики испанского правительства. Значительно позже, уже в 1910 г. она отразилась в создании «El Centro de Estudios Historicos»,⁵ где арабистическая секция, руководимая Риберой, оказалась наиболее жизненной и энергичной, благодаря трудам его самого и его учеников, выпустивших двенадцать капитальных изданий и исследований за пять лет существования секции.⁶

Ко времени неудавшейся попытки создания школы арабистов относится переход Риберы на кафедру в Мадрид. И здесь ему пришлось прежде всего думать о создании широкого органа для распространения идей своих и своей школы. «Revista de Aragon» приобретала характер преимущественно местного органа; теперь Рибера задумал центральный орган для работ, относящихся к различным отраслям отечественной культуры. С участием других ученых он начал в 1906 г. издавать журнал «Cultura Española»;

¹ См. данные, сообщаемые Кодерой в «Discursos leídos . . . el día 6 de Junio de 1915», Madrid 1915, 70.

² II, 400.

³ II, 365—480.

⁴ Asín, LVII—LIX.

⁵ Asín, LXV—LXVIII.

⁶ Перечень их у Asín'a, LXVI—LXVII.

в шестнадцати вышедших томах ее (1906—1909) не мало арабистического материала, обязанного и самому Рибере и его ученикам.¹

К 1912 г. заканчивается тот, почти 25-летний этап в научной деятельности Риберы, который преимущественно характерен различными исследованиями по вопросам образования и образованности на востоке и западе. Занявший около этого времени кафедру арабско-испанской литературы и выбранный членом Испанской Академии он посвящает теперь преимущественное внимание вопросам языка и литературы. Появляется серия исследований, часто носящих характер открытий; освещается до-история романского языка в Испании, происхождение провансальской лирики, происхождение европейского эпоса, природа арабской музыки и ее влияние на средневековую европейскую. Эта серия еще больше, чем в первом периоде, представляет органическое целое; все звенья тесно связаны между собой и каждое, с логической последовательностью, влечет следующее. Для общих выводов науки работы этого периода, быть может, имеют наибольшее значение и поэтому на них полезно остановиться несколько обстоятельнее.

Исходным пунктом всей серии можно считать вопрос о языке или даже о национальности мусульманской Испании.² В 1919 г. в одной торжественной речи Рибера сказал:³ «Я повторяю (и буду повторять до сыта, так как этого требует справедливость), что испанцами были мусульмане полуострова: испанцами по расе, испанцами по языку, испанцами по своему характеру, вкусам, тенденциям и гению». Еще за семь лет до этого в начале своей речи об Ибн Къузмане в шести сжатых положениях он высказал свой взгляд на нацию, язык и поэзию мусульманской Испании:⁴

1) Семитизм входил, как составной элемент в расу испанских мусульман в минимальной дозе; это не позволяет называть их ни семитами, ни восточными людьми уже с третьего или четвертого поколения после завоевания.

2) Даже мусульманские фамилии, которые гордились своим арабским происхождением, в семейном обиходе пользовались обычно европейским языком — испанской ветвью романского, во всяком случае до половины XII в.

3) В арабской Испании существовало два народных языка — арабский и романский, на котором говорили одни и те же лица: романский

¹ Asin, LX—LXI.

² I, 13.

³ I, 468; ср. I, 26.

⁴ I, 10—11.

в семейной жизни, арабский язык, как официальный, в школах, в общественных учреждениях и т. д.

4) Благодаря такому сосуществованию могла возникнуть и действительно возникла смешанная поэтическая система, в которой ясно проявились влияния европейские и восточные.

5) Эта поэзия, презиравшая теми, кто следовал за классической традицией, была понятна не только андалусскому народу, но и тем европейцам, которые проводили некоторое время в Андалусии, хотя и не так понятна теперь, через восемь веков, нам. Интимная и культивировавшаяся сперва в семье и высших социальных слоях, она постепенно открыла себе путь в верхние классы общества и стала литературной.

6) Эта поэзия, не пользующаяся образами пустыни, а основанная на тех популярных темах, которые в позднейшие века повторяются в европейских литературах, облекается в поэтические формы, отличные от классически-восточных. В ней появляются целые стихи и рифмованные строфы на романском диалекте, очень похожем на галлегский и португальский язык, свойственный наиболее архаичной испанской лирике.

Таким образом, исследованиями Рибера выясняется, что, уже с третьего или четвертого поколения после завоевания, мусульмане в Испании, как арабского происхождения, которые составляли меньшинство, так и из местных христиан были билингвами: кроме арабского, который был официальным языком, они пользовались романским в домашней жизни и даже в общественных сношениях. Сожительство победителей и покоренных вызывало сохранение романского языка у последних (которых было большинство) и усвоение его первыми (которых было меньшинство). Языковая картина получается достаточно сложной и Рибера обрисовывает ее в той же речи в следующих тезисах:¹

1. В мусульманской Испании существовали параллельно два литературных языка — классический арабский и классический латинский и два народных: арабский народный и вульгарная латынь или зарождавшийся романский.

2. Классическая латынь сохранялась, как язык религии (а в некоторые периоды и в некоторых областях и литературы), христианами, которые оставались в Андалусии во время мусульманского владычества, в особенности клиром, в руках которого было сосредоточено обучение.

3. Арабский классический язык, как литературный, не являлся исключительным достоянием мусульман; им пользовались и андалусские христиане.

¹ I, 28—29. Cp. A. González Palencia, *Historia de la España musulmana*, 116—118.

На это горько жаловался Альваро Кордовский, говоря что его единовѣрцы бросают чтение латинских книг, увлекаясь арабскими, и, забывая свой язык, на арабском сочиняют даже стихи.

4. Арабский народный язык и вульгарная латынь были языками, которыми одинаково пользовались одни и те же лица — не только христиане мусульманской Испании, но и мусульмане Андалусии.

Обоснования для этих тезисов более чем достаточны. В изданной Риберой хронике ал-Хушани¹ нашелся ряд подтверждений того, что романский язык появлялся во всех слоях населения Кордовы, даже в трибуналах и халифском дворце. Известный нам по уникаму Азиатского Музея Ибн Қузман² ввел этот романский язык в литературу, сочиняя свои строфы на арабском разговорном диалекте и пользуясь романским. Это открытие очень важно для до-истории кастильского языка. Романисты в своих изысканиях дошли до второй половины X в. и обнаружили там лишь жалкие образцы зарождающегося романского языка, так как латинский, в более или менее классической форме, был тогда единственным письменным языком. В письменных документах могли только спорадически попадаться образцы кастильского разговорного языка; испано-арабская литература открывала здесь новый и неожиданный источник, указав романистам на большой запас романских слов, которые были в ходу и у мусульман, и у христиан Андалусии. Они одинаково интересны с точки зрения и фонетики и семантики, устанавливая первые этапы эволюции романского языка в этот еще бесписьменный период. Романисты оценили это открытие и Menéndez Pidal в работе «Orígenes del Español» пошел по пути, указанному Риберой; для систематического и полного исследования здесь предстоит еще много работы романистам.³

Строфы дивана Ибн Қузмана под внимательным анализом Риберы повлекли и к другому неожиданному открытию: разъяснению вопроса о происхождении провансальской лирики. «В диване Ибн Қузмана», заявил Рибера в речи в 1912 г.,⁴ «я вижу целую поэтическую систему, которая озаряет очень живым светом темную эпоху средневековой европейской лирики: эта лирическая система связана теснейшими нитями с европей-

¹ Historia de los jueces de Córdoba por Aljoxani. Texto árabe y traducción española por Julián Ribera (Madrid 1914). Введение к ней перепечатано в Сборнике I, 385—416. О капитальном значении этого труда см. замечания Д. К. Петрова в журнале «Восток», № 3, 1923, 201—202.

² См. о нем суммирующую статью С. F. Seybold, Enzyklopaedie des Islām II, 1918, 423—424.

³ Asín, LXXVIII—LXXIX.

⁴ I, 5.

скими системами, которые зародились несколькими веками позже». Выяснилось, что его стихотворения гибричны не только по языку: Рибера открыл другие не арабские элементы и в метрике и в сюжетах. Как известно, арабская поэзия — и до-исламская, и более поздняя, однорифмна, подчиняется законам квантитативной метрики и в каждом стихе заключает одинаковое количество стоп. Наоборот, стихотворения Ибн Къузмана, хотя иногда и подчиняются законам той же метрики, не состоят обязательно из стихов одинаковой длины. Другим нововведением является распределение рифм по строфам. Каждая строфа состоит из одинакового числа стихов — от 4 до 15, которые рифмуют между собой, подчиняясь богатой системе комбинаций, восходящей к основному типу четверостиший *аааб*. Аналогичная гибридизация видна и в сюжетах стихотворений:¹ темы до-исламской поэзии отсутствуют совершенно, редко попадаются специфически мусульманские образы, с другой стороны — очень часто встречаются такие, которые своим откровенным сенсуализмом могли нравиться населению космополитического города. Встречаются, наконец, формы, которые впоследствии стали типичными для европейских лирик, как *albada (aubade)*.² Все стихотворения носят чисто-народный характер не только по стилю своих зротических сюжетов, но и по языку — смеси арабского и романского; все они снабжены припевом для пения хором слушателей.

Таким образом, диван Ибн Къузмана дает нам возможность установить, что в первой половине XII века в Кордове существовала метрическая система с разнообразными ритмическими комбинациями, каденциями и паузами, примера для которой не существует в классической традиции арабов. Однако, совершенство рифм таково, что в нем легко чувствовать влияние лиц ученых и привыкших к арабской традиционной технике. Арабским является язык, арабским является тип созвучий, может быть арабским является требование общей рифмы в завершении строф, арабским является двойственность сюжета (*тагъзул и мадйх*). По всей вероятности не арабского происхождения внутренняя рифма всех строф, богатая комбинация рифм. Не от арабов идет силлабический прием и ритмическая система, давняя для Европы; не арабского происхождения строфическая система с припевом, равно как некоторые сюжеты этих песен.³

При такой гибридности естественно встает вопрос, как могла возникнуть эта лирическая система на арабском языке и в мусульманской области?

¹ I, 45—46.

² Ср. Hugo Riemans, Musik-Lexikon,² Leipzig, 1907, 62.

³ I, 48—49.

Как гипотезу в ответ на это Рибера высказывает,¹ что не арабские элементы этой поэзии могут быть объяснены влиянием галлего-португальской лирики, древнейшей из европейских, которая, в свою очередь войдя в соприкосновение с арабской поэзией в Андалусии, заимствовала из подражания элемент рифмы, отсутствовавший в греко-римской классической поэзии.

Оставляя это хотя бы только гипотезой, важно подчеркнуть другое обстоятельство: что эта лирика существует уже в начале X в., то есть за двести лет до появления древнейшего провансальского трубадура. Это обстоятельство позволяет Рибере объяснить происхождение поэзии трубадуров, иначе говоря всех придворных школ в Европе до XVI в.; объяснение дается в форме диаметрально противоположной той, которая принята у романистов. У них аксиомой является оригинальность провансальской лирики, так как техника ее стихотворений, в особенности сложные и богатые комбинации рифмованных строф не находят себе precedентов, могущих дать объяснение, в греко-латинских классиках. Эта лирика трубадуров возникает неожиданно во Франции в XII в. и оттуда распространяется, согласно теории романистов, по остальной Европе, включая Кастилию. Рибера как бы переворачивает этот тезис, применяя к новым, установленным им фактам теорию подражания, которая управляет всеми феноменами при передаче культуры. Детальный анализ древнейших провансальских стихотворений обнаруживает, что комбинации с рифмами в их строфах по существу совпадают с типом *заджал* у арабов в Андалусии. Случайные отступления объясняются необходимостью приспособить хоровую и народную систему Испании к одностопной и придворной лирике.² Типичное и близкое сходство между обеими лириками — андалусской и провансальской, большая древность первой при наличии несомненной связи между обеими заставляют сделать вывод о том, что андалусская является моделью для провансальской, а значит и всех европейских более поздней даты. Так как андалусская, с другой стороны, распространилась по всему мусульманскому миру — через северную Африку на восток, то *дыван* Ибн Къзмана, отражающий эту андалусскую лирику, является тем ключом, который объясняет механизм всех лирических систем культурного Средиземноморья.³

Эта теория, сформулированная Риберой в его речи об Ибн Къзмане при вступлении в Испанскую Академию в 1912 г., не сразу нашла себе отклик в среде специалистов; разразившаяся вскоре война с перерывом

¹ I, 51—54.

² I, 62 след.

³ I, 71.

сношений помешала ознакомиться с нею другим странам. Только в 20 годах она проникает, например, в Германию;¹ если ее и нельзя считать принятой окончательно, то, во всяком случае, специалисты согласны в необходимости пересмотреть весь вопрос с точки зрения, выдвинутой Риберой.²

В этой работе Рибера высказал гипотезу о существовании чисто романской поэзии в мусульманской Испании, которая явилась предшественницей смешанной романско-арабской поэзии, отраженной диваном Ибн Кузмана. Через три года, в своей речи при вступлении в Королевскую Академию Истории он мог подтвердить эту гипотезу уже фактическими данными. Эта речь имела своим сюжетом «сохранившиеся у ранних мусульманских историков полуострова источники из области эпической романской поэзии, которая должна была процветать в Андалусии в IX—X в.»³ Исходным пунктом исследования послужил один отрывок из истории поэзии Ибн Бассама (XII в.), который говорил с определенностью о том, что в конце IX в. н. э. действительно существовала в мусульманской Испании народная, чисто романская литература, создателем которой считался слепец Мукаддим ал-Кабри.⁴ У испано-арабских историков никаких непосредственных образцов этой поэзии нет: ее народный и не-арабский характер вызвал с их стороны презрительное отношение. Для выяснения ее облика Рибера прибег к логическому построению: если существование народной арабской лирики дает возможность заключить о существовании народной лирики романской, почему нельзя предполагать существование народного романского эпоса, исходя из современного ему арабского эпоса, составленного народными размерами с сюжетами характерно-испанскими? Научные основания для такого логического вывода на лицо: арабы до-исламской эпохи эпоса не знали, эта поэзия процветала только в персидском и испанском исламе; первыми произведениями испанских арабов являются две поэмы ал-Газали и Темма ибн 'Алкамы (IX в.) — эпические по своему сюжету (завоевание Испании), народные по своему метру (*реджез*) наиболее прозаического характера и испанские даже по происхождению авторов.⁵ Для своих поэм они пользовались преданиями, распространенными в народе, а так как народным языком в Андалусии был зарождающийся испанский,

¹ Ср. замечания о ней Werner Mulertt, *Der Islam* XIII, 1923, 170—175.

² *Asín*, LXXXII. В испанской науке теорию Риберы можно считать принятой окончательно, см. A. González Palencia, *Historia de la literatura arabigo-española*, 105—112, 329—336.

³ I, 98. Общие замечания об этой речи см. Werner Mulertt, *Der Islam*, XIII, 1923, 175—177. Формулировка теории Риберы у A. González Palencia, *op. cit.*, 323—329.

⁴ I, 99 след.

⁵ *Asín*, LXXXIII.

то несомненно, что народные предания и легенды прибегали к нему, а не к арабскому. Действительно, арабские историки Испании определенно говорят, что они пользовались местными латинскими хрониками и народными сказаниями *ал-'аджамийя*, что в эту эпоху обозначало романский язык.¹ Таким образом, в первые века после завоевания устанавливается тройной цикл легенд—арабский восточного происхождения, латинский ученого типа и романский национально-народного характера.

От этого последнего сохранились следы или, говоря языком Риберы, источники, которые им собраны для выяснения основного типа этой примитивной андалусской эпике, впоследствии погибшей. Он исследует три главных легенды, которые сохранились в прозаической передаче историка Ибн ал-Кутыйи, переведенного им:² щедрость Артобаса, первый граф Андалусии и история Изра́қа из Вади. В основе всех лежит идеализация исторического факта, переработанного фантазией народа со всякими гиперболами. Некоторые из них общим тоном очень напоминают позднейшие *chansons de geste* или испанские романсы с неизбежными разговорами и диалогами, вкрапленными в рассказ, и с параллелями в образах и выражениях. Эти легенды, как и многие другие, которые Рибера усматривает в основе различных хроник, говорят о том, что в первых веках после завоевания существовал народный романский эпос, сохранявшийся до арабизации населения.³ Но и тогда, теряя своих слушателей в мусульманских слоях, он продолжал сохраняться в многочисленной колонии рабов, состоявшей из европейских христиан разного происхождения, которые часто играли очень важную роль в войске и администрации. Эти рабы из всех стран Европы, знакомые с зарождавшимся романским языком своей родины, были живой связью между андалусским романским эпосом и романскими литературами христианской Европы.⁴ Через несколько веков после первого появляется неожиданно эпос французский и кастильский. Большинство исследователей (G. Paris, L. Gauthier и J. Bédier) признают французский за оригинальный, из подражания которому возник весь европейский эпос, включая и кастильский. Новые данные заставляют, по мнению Риберы, несколько перевернуть построение. Французский эпос зародился на севере Франции в XII в. и, несмотря на далекое расстояние от Испании, воспекает борьбу с испанскими мусульманами. Не является ли он поздним отра-

¹ I, 113—114.

² Historia de la conquista de España de Abenalcotia el Cordobés. Traducción de D. Julián Ribera. Madrid, 1926. Предисловие перепечатано в сборнике I, 435—456.

³ Asín, LXXXIV.

⁴ I, 138.

жением андалусского эпоса? Сравнение их говорит о глубоком и типичном сходстве, как в общем характере, так и в мельчайших деталях, которые Рибера внимательно анализирует.¹ Хронологические даты — IX и XII в. ясно говорят о заимствовании при возможности постоянной и близкой связи между элементом чисто андалусским и испанским вообще. Как скоро доказано существование популярной романской литературы в Андалусии IX в., становится затруднительным утверждать полную оригинальность французского эпоса.² Еще до Риберы Menéndez Pidal отстаивал, в противоположность французской теории, местное происхождение кастильского эпоса, считая его в основе вестготским (германским). Соглашаясь с ним в признании местного происхождения, Рибера указывает на большую сложность состава испанского общества. На ряду с элементом германским, далеким и почти вымершим потомком вестготов, не следует забывать более живой и близкой модели в культурном элементе андалусского ислама, эпос которого представляет такие сходные черты с кастильским. Не будучи потомком французского, так же мало он может происходить исключительно из германской традиции. Он — сложный продукт различных тенденций испанской расы, в психологии и культуре которой слились элементы мусульманские и христианские, романские и германские, еврейские и арабские.³

Эту сложность составных элементов испанского общества в первые века Рибера еще раз подчеркнул в предисловии к своему переводу хроники Ибн ал-Кутыйи, сопоставляя автора с анонимными компиляторами хроники *Ахбар Маджмӯ'a*. Последние, происходя из благородного арабского племени корейшитов, с презрением относятся к местной исламизованной расе.⁴ Ибн ал-Кутыйи, потомок Витицы, «сын готянки», на страницах своей хроники помещает народные легенды — зерно примитивного эпоса, отражение тех чувств, которые оставили в душе этой покоренной расы печальные картины завоевания Испании. Но, с другой стороны, этот историк, родом гот, сердцем испанец, в то же время убежденный мусульманин, традиционалист — фақих, ученый арабский филолог и апологет омейядов, клиентом которых является.⁵ Эта сложная картина позволяет нам легче воспринять и ту сложность происхождения европейского эпоса из Испании, как то выдвигает Рибера.

¹ Asín, LXXXV.

² I, 141.

³ Asín, LXXXVI.

⁴ I, 439—445.

⁵ I, 445—452.

Диван Ибн Кузмана решил для Рибера вопрос о происхождении европейской лирики и натолкнул на мысль о происхождении европейского эпоса. Он же послужил исходным пунктом для не менее важных исследований о природе и происхождении средневековой музыки, как христианской церковной, так и народной, распространенной в Испании и у большинства европейских народов. Двенадцать лет работал Рибера до того времени, пока решил выступить с формулировкой своей теории; на это время он приостановил даже печатание других своих работ «с бенедиктинским терпением и с германской настойчивостью», по выражению Асина, трудясь над одной задачей.¹

Задача эта была еще сложнее предшествующих. Нужно было обладать не только даром историка, не только знакомством со сравнительной историей литературы, но владеть всем материалом различных гипотез и теорий по средневековой музыке, быть знакомым с палеографией сложных средневековых нотных записей, быть хорошо подготовленным по теории музыки и не лишенным дара исполнителя. Нужно было в одно и то же время быть и серьезным музыкантом, и основательным историком. По счастью всеми этими данными Рибера обладал еще до того, как стать перед новой задачей, двенадцатилетние специальные занятия еще более его к этому подготовили. Количество карточек на музыкальные произведения, собранных и сличенных им, колоссально: едва ли найдется какое-нибудь собрание народных песен испанских и европейских, которое не было бы им систематически обследовано для этой цели.²

В основе его изысканий лежит та мысль, что всякая мелодия имеет право на такое же систематическое изучение как любой факт живописи, скульптуры или архитектуры. Историк изобразительного искусства никогда не станет сопоставлять особенностей стиля, школы и эпоху памятников по одному внешнему сходству, повинувшись простому инстинкту. Для этого требуется систематическое изучение собранного и зарегистрированного материала. В истории музыки должен быть применен тот же прием и лишь тогда можно будет избавиться от национальных и местных предрассудков, под влиянием которых многие всегда склонны отстаивать местное и оригинальное происхождение своих народных песен. Предварительно нужно произвести разыскания двойного порядка — с одной стороны за пределами данной территории, а с другой — в более или менее отдаленном прошлом протекших веков. Музыкальный архив, который составил себе Рибера, и

¹ Asín, LXXXVIII.

² Asín, LXXXIX.

преследует эту двойную задачу, первоначально поскольку это касалось народной испанской музыки, ближайшим образом галлегской, андалусской, и арагонской. На каждую мелодию заведена особая карточка, куда заносится тема мелодии и технические особенности, которые ей присущи. Распределенные по своим типичным аналогиям эти карточки, уже сами по себе, бросают неожиданный свет. Выясняется часто, что песня, которая считается местной в какой-нибудь области или стране, совпадает в существенных чертах мелодии, тональности и каденций с другими народными песнями, популярными или в других областях полуострова или даже вне его. Такой сравнительный метод, систематически применяемый в истории литературы, в истории музыки до Риберы не проводился в сколько-нибудь значительном объеме.¹

С самого начала, однако, возникает вопрос, как можно проследить какую-нибудь мелодию глубже XVI в., с которого только и начинается приобретать свой характер современная музыкальная нотация? Как сравнивать народную песню наших дней или мелодии в *Cançionero de Palacio* (XVI в.)² с песнями трубадуров, труверов и миннезингеров (XIII—XIV в.) или *Cançtigas* Альфонса Мудрого (XIII в.), если музыкальная нотация в последних настолько бедна, что регистрирует только одни ноты мелодии без всяких указаний на ритм, гармонию, тон и экспрессию? Если же пойти дальше XIII в., в котором появляется квадратная музыкальная нотация, и еще дальше до невматической нотации, там отсутствуют уже и такие документы. И в данном случае Рибера должен был прибегнуть уже не впервые к некоторому логическому построению.³

Исходным пунктом для его длительных и сложных изысканий послужил, с одной стороны, *диван* Ибн Кузмана, а с другой — *Cançionero de Palacio*. Строфы первого, хотя и предназначенные для пения, лишены как вся арабская лирика музыкальной нотации; несмотря на это, их метрическая форма, вероятно с соответствующими мелодиями, распространилась по всему арабскому миру и вызвала подражание у христианских лириков, как на полуострове, так и в Европе. Мелодии последнего сборника, несомненно предназначенные для пения, сохраняют текст и музыку, естественно тесно между собой связанными. Построение строфы, иначе говоря, приспособлено по возможности к музыкальной мелодии. Отсюда и был сделан первый, ока-

¹ *Asín*, LXXXIX—XC.

² Общие сведения об этом сборнике см. Hugo Riemann, *Musik-Lexicon* 7, Leipzig 1909, 218. Характерно, что Riemann, подчеркивая выдающееся значение этого изданного Barbieri в 1890 г. памятника, отмечает, что он «unbegreiflicherweise» остался совершенно незамеченным в музыкальном мире.

³ *Asín*, XCI.

завшийся плодотворным, вывод о том, что архитектоника *музыки* этих испанских песен XV в. по существу идентична с архитектуроникой *текста* в испанско-арабских строфах Ибн Кузмана, что и подтвердилось в большинстве случаев (85 на 100): мелодические части как бы рифмуют между собой, подчиняясь строфической схеме испанского *заджаля* *аааб* или персидского четверостишия *ааба*. Одна из популярнейших песен этого сборника — о трех мавританках — оказалась чисто арабским *заджалем*, историю которого можно проследить очень глубоко по письменным источникам, так как он восходит к песне, сочиненной для Хāруна ар-Рашида (нач. IX в.).¹ Отсюда естественно было перейти к гипотезе о том, что музыка этого сборника в такой же мере, как его метрика и содержание, арабского происхождения. Для дальнейшего продвижения по наметившемуся пути Рибера перешел к анализу *Cantigas del Rey Sabio* (XIII в.); в тексте их строф обнаружилась та же метрическая комбинация андалусского *заджаля*. Это еще более усиливало вероятность того, что и музыка сборника более архаичная, чем в *Сансионего*, тоже арабского происхождения.²

Проблема вырисовывалась все яснее и заставила Рибера направить внимание на изучение истории и природы арабской музыки — прототипа, как ему казалось, средневековой. Подойти к этому вопросу в полной широте никто не решился раньше еще и потому, что в арабской, как и в греческой музыке, отсутствует всякая нотация. Рибера попытался воспользоваться современной музыкальной техникой для анализа арабских литературных источников, которые говорят о музыке или описывают ее. В таких источниках недостатка нет; во главе их стоит монументальная антология *Китāб ал-алāйнī*. Она не только дает материал для внешней истории музыки и музыкантов, которая и раньше отчасти привлекала внимание исследователей, но, пользуясь специальной технической терминологией, сообщает много данных о различных школах, стилях, тенденциях, описывает форму песен, их структуру и распространение. Из этих данных, благодаря исследованиям Риберы, выясняется, что арабская музыка и вокальная, и инструментальная, так же, как и наша, пользовалась диатонической гаммой, обладала гармонией, а не была одноголосна, отличалась ритмом и экспрессией. Этот вывод Риберы, имеющий капитальное значение для всех его дальнейших исследований, шел в разрез с теорией большинства историков музыки, утверждавших, что средневековая музыка до XVII в., церковная и светская,

¹ Asin, XCII.

² Asin, XCII.

так же как греческая, была лишена гармонии. Противоположный вывод Рибера был получен из детального анализа упоминаний о шести музыкальных арабских ритмах — единственных, которые называются в источниках, — из изучения природы главного аккомпанирующего инструмента *ал-'уд* и, наконец, некоторых описаний концертов в исполнении оркестров. Если таким образом восточная арабская музыка, не обладающая нотацией, имела технические особенности современной музыки, то нельзя отрицать этих особенностей за средневековой только на том основании, что в ее нотации нет о них упоминания. Это становится само собой ясным, коль скоро документально доказывается, что средневековая происходит от арабской. Как последний этап исследования арабской восточной музыки Рибера дает историю ее перехода в мусульманскую Испанию, который произошел в эпоху омейядов благодаря Зирьябу, знаменитому певцу времен Харуна ар-Рашида. Им была в Испании создана школа, которая на западе сохранила с ббльшей чистотой художественные особенности этой музыки, пришедшей в упадок на востоке.¹

Теперь с полной ясностью определяются этапы дальнейшего исследования. Музыканты и певцы Андалусии, историю которых Рибера доводит в деталях до XIV в., не были конечно, простым эхо восточной музыки. Сохраняя ее технические принципы и особенности, они ее популяризировали — сделали народной, превратили из одноголосной в хоровую и приспособили структуру мелодии к строфической форме *заджаля*, сохраненной диваном Ибн Кузмана. С этими особенностями арабско-андалусская музыка проникла в христианскую Испанию, при чем, даже при исполнении религиозных обрядов, пользовались иногда услугами мавританских певцов и музыкантов. Христианские поэты сочиняли стихи в строфах для пения по тому же типу четверостишия *заджаля*, который оставался популярным во всей Испании до середины XVII в. Инструменты, принятые в мавританской музыке, почти все перешли в Европу обыкновенно с теми же названиями, ряд технических музыкальных или связанных с музыкой терминов оказался заимствованным из арабского языка.

Все эти данные более чем достаточны, чтобы признать арабскими многие народные песни, включенные в *Cancionero de Palacio* (XV—XVI в.); текст их сохраняет строфический тип *заджаля*, а мелодия, уже в современной нотации, сохраняет все особенности тех арабских мелодий, которые были анализированы Риберой в его исследованиях на основании арабских источников. И действительно, дальнейшее детальное изучение пьес в сбор-

¹ Asín, XCIII—XCIV.

нике показало, что музыка в них арабская: об этом говорит метрическая линия мелодии (*аджаль аааб* или персидское четверостишие *ааба*), преимущественно вокальный характер, тональность, ритмические и экспрессивные особенности и система гармонии. Конечно, эта музыка Сапсонего не является народной в том смысле, что она сочинена народом; против этого говорит ее большое техническое совершенство. Но ее арабская основа после произведенного анализа не может подлежать сомнению.¹

В следующей стадии возникал вопрос, каким образом заполнить пробел между XVI в., к которому относится Сапсонего, и XIII в., знаменующим апогей арабской музыки Испании, историю которой можно проследить еще на востоке халифата. Связующим звеном в исследованиях Риберы явились, с одной стороны, *Cantigas del Rey Sabio*, с другой—песни трубадуров, труверов и миннезингеров, которые дошли в нотной записи в немногих рукописях уникального значения. Уже было сказано, что эта запись отмечает только ноты мелодической линии без обозначения тональности, ритма и гармонии, которыми обладала арабская музыка в такой же мере как и Сапсонего del Palacio. Большинство теоретиков, пытавшихся до тех пор дешифровать эти записи, держались того мнения, что их музыка была сходна с церковной. Упускалось из виду, что на ряду с последней существовала в средневековой христианской Европе другая, носившая характерное наименование *musica ficta*, особенности которой, судя по описанию современных ей авторов, совпадают с арабской. После изобретения церковной нотации последнюю стали применять и к этой *musica ficta*; усваиваемая на память, музыка могла вспоминаться со всеми деталями, хотя бы они и не обозначались на письме полностью. Нотная запись являлась своего рода конспектом или мнемонической схемой. Поэтому, транскрибировать ее только на основании палеографических данных так же не основательно, как транскрибировать какой-нибудь текст на семитическом языке без восстановления опускаемых в шрифте гласных значков или диакритических точек. Чем более скудна графика, тем сложнее интерпретация. Здесь приходилось восполнять те аксессуары мелодии, которые на письме не обозначались. Рибера не сразу нашел правильный путь. После целого ряда безуспешных попыток ему все же удалось открыть ключ, верность которого была доказана возможностью его применить во всех нужных случаях.²

¹ Asín, XCV—XCVI.

² Asín, XCVI—XCVII.

Рибера исходил из факта, признанного теоретиками, что эти музыкальные рукописи средневековья содержат *musica ficta*. Им установлено, что она такого же порядка, как предшествующая арабско-андалусская или позднейшая народная испанская — и записанная на современный лад в *Capitono de Palacio*, и существующая еще теперь в различных областях полуострова. Указания тональности, ритма и гармонии, существующие в последних мелодиях, должны существовать и в средне вековых, хотя бы обозначения их не было на письме. Ритм, наиболее жизненный элемент музыки, оказался первым, что удалось Рибере установить. Быстро затем выяснилось, что эти средневековые песни сходны с народными XVI в. и современными; сходство обнаруживается, конечно, не во всей сумме художественных элементов, что противоречило бы закону эволюции, а в основных линиях, характерных для жанра, во вкусе единой школы, в тех же мелодических фразах и, что особенно важно, в одинаковых ритмических типах; последние типы авторы средневековых трактатов считали присущими *musica ficta* и они оказались совпадающими с арабской музыкой. Первый успех облегчил путь для других открытий: постепенно были установлены тональность, гармония и мелодические приемы.

Подтверждением метода Риберы явились результаты его применения. Средневековая нотация, если ее читать так, как она написана, не дает настоящей музыки; если ее читать восстанавливая то, что не написано, получаются художественные произведения определенного жанра и органически входящие в известную музыкальную систему.¹

Единственное возражение, которое может быть сделано и которое Рибера предвидит, касается закона эволюции: средневековые мелодии, как более ранние, должны быть менее художественными, чем пьесы XVI в. и современная народная музыка. В таком случае можно ли последними пользоваться для интерпретации первых? Отвечая на это возражение, Рибера указывает, что он не толкует прошлого непосредственно через настоящее, механически накладывая одно на другое. Ключ дешифровки основывается на средневековой графике, объясняемой историческими данными, совпадающими с данными современными. Систематическая и постоянная однородность средневековых песен и современных народных служит хорошей гарантией верности гипотезы, которая восстанавливает связь музыкальной традиции, не прибегая к кельтскому миру, как иногда делается, или к теории спонтанного зарождения. Историки музыки обыкновенно пред-

¹ *Asin*, XCVIII.

полагают, что до XVII в. человечество не могло осуществить в музыке того идеала красоты, который в других искусствах был найден Грецией. Рибера, реконструируя средневековую музыку с художественным совершенством ее тональности, гармонии, выразительности, восстанавливает тем самым и историческую связь культуры; он показывает, что и в музыке, как в других изящных искусствах, как в философии и точных науках, арабы — в особенности испанские — были наследниками классической культуры, которую и передали средневековой Европе. Историческая линия в этом построении не обнаруживает никаких прорывов: Греции наследовали Византия и Персия, культуру обеих унаследовал ислам, влияв в нее многое из культуры Индии и Дальнего Востока. Несколько обогатив ее в постепенном развитии, он передал это достояние в Испанию. Оттуда, оплодотворенная местными элементами, эта культура перешла в средневековую Европу, которой наша музыкальная жизнь обязана гораздо больше, чем обыкновенно думают.¹ Дешифровка записей этой средневековой музыки в рукописях *Las Cantigas*, у трубадуров, труверов и миннезингеров объясняет исторические факты с естественностью и ясностью, которая до тех пор была не достижима.²

Музыкальные теории Риберы еще не нашли доступа в широкие круги историков музыки: большую роль здесь играет известная рутинная, национальные предрассудки и малое знакомство с испанским языком. Быстрее всего они проникли в среду французских и испанских ученых, где их можно считать принятыми.³ Ожидаемые переводы некоторых его произведений на английский и немецкий язык⁴ вероятно не мало будут содействовать распространению этих теорий.

Результаты исследований Риберы по истории арабской и средневековой европейской музыки, изложенные здесь на нескольких страничках, были им опубликованы в целом ряде крупных и мелких, общих и специальных работ. Первым внешним толчком к сообщению о них послужил, праздновавшийся торжественно в Испании в 1921 г., семисотлетний юбилей со дня рождения короля *Alfonso el Sabio*. В своей речи в объединенном заседании испанских академий «Значение музыки *Las Cantigas*»,⁵ Рибера впервые формулировал результаты своих изысканий; речь сопровождалась музыкальными иллюстрациями, Через год вышел и основной его труд «*La música*

¹ *Asín*, XCIX—C.

² II, 72.

³ *Asín*, CI.

⁴ *Asín*, CII.

⁵ II, 3—16.

de las Cantigas» — большой том in folio в полтора ста страниц с приложением 350 страниц музыкальных приложений и девяти миниатюр с воспроизведением музыкальных сцен. С 1923 по 1925 г. тремя выпусками было издано продолжение этой работы «La música andaluza medieval en las canciones de Trovadores, Troveros y Minnesinger», тоже заключающее текст и музыкальные приложения.¹ Общие идеи последней работы формулированы были в речи «Музыка миннезингеров и ее связь с народной испанской», произнесенной в Немецко-Испанском Обществе в Мадриде в 1925 г.² тоже с музыкальными иллюстрациями. Попутно выходили и отдельные статьи: «О галлегской музыке и метрике» (1925),³ «Арабское происхождение романских слов, связанных с музыкой» (1928),⁴ «Об испанских песнях в Калифорнии» (1927).⁵ В 1927 г. в популярной серии Colleccion Hispania Рибера изложил результаты своих специальных исследований отдельным томиком в 355 страниц под заглавием «La música araba y su influencia en la española»; эта работа с наибольшим интересом читается и не специалистом и наиболее пригодна как введение в его сложные и широко захватывающие разные области теории.⁶ Недавно вышло в свет его исследование об арагонской хоте,⁷ особой форме испанского народного танца, который и в нашей музыке нашел отражение еще у Глинка.

Таковы в основных чертах главнейшие этапы научной деятельности Риберы. Одним из характернейших свойств его, как ученого, является то, что ни один из них он не считает для себя законченным и продолжает свою работу по всем линиям. Можно надеяться, что ему удастся завершить свои планы и выпустить то, что подготовлено к печати. Мы уже видели, что к таким трудам принадлежит, задуманная в самом начале ученой деятельности, «История образовательных учреждений в мусульманских государствах востока».⁸ Кроме нее ожидают окончания и опубликования работы о восточном происхождении средневековых европейских университетов,⁹ вторая часть труда «Педагогический предассудок»,¹⁰ «Арабско-испанское

¹ Отдельные части предисловий ко всем трем выпускам перепечатаны в сборнике (II, 17—74) под общим названием «La música andaluza medieval en Europa».

² II, 75—88.

³ II, 89—132.

⁴ II, 133—149.

⁵ II, 151—174.

⁶ Ср. краткую формулировку A. González Palencia, *Historia de la España musulmana*, 152—155.

⁷ *La música de la jota aragonesa. Ensayo historico.* Madrid. 1928.

⁸ *Asín*, XXXVI.

⁹ *Ibid.* XXXVII, XL.

¹⁰ *Ibid.*, LXXXIII, прим.

происхождение народной музыки»,¹ равно как и ряд более специальных трудов, как описание арабского архива Арагонии.²

Несмотря на все, что можно ожидать в будущем, труд жизни Риберы и теперь представляет органически законченное целое в таком стройном виде, который редко удастся создать ученому. Ознакомиться с этим трудом в полном объеме наука получает возможность только благодаря изданию юбилейного сборника его статей. Понятно, насколько надо быть благодарным ученикам и друзьям испанского арабиста, осуществившим это издание, и в особенности Асину, своей вступительной статьей давшему прекрасную руководящую нить для обзора многочисленных работ своего учителя, как вошедших в сборник, так и напечатанных отдельными книгами.

Кто много дает, от того обыкновенно хочется получить еще больше. Так и в данном случае некоторые пожелания остаются неудовлетворенными. В статье, посвященной научной деятельности и занимающей более ста страниц, хотелось бы видеть больше биографических подробностей, чем одно лаконическое примечание;³ если внешние данные нежелательны для юбиляра, как можно заключить по одному намеку,⁴ то следовало бы осветить больше роль Кодеры в начале занятий арабистикой с более конкретными подробностями.⁵ Совершенно необходим полный список работ юбиляра в хронологическом порядке, как помещенных в сборнике, так и изданных отдельными книгами. В статье Асина они, конечно, все упоминаются, но в систематическом порядке в разбивку. В систематическом порядке по темам статьи распределены и в сборнике. Список в хронологическом порядке дал бы возможность охватить деятельность Риберы в каждый данный период и картина с этой точки зрения получилась бы не менее поучительная. Наконец, есть еще одно пожелание внешнего порядка, которое удовлетворено в сборнике статей Snouck Hurgronje: при переиздании статей крайне желательно указывать (на полях или в тексте) соответственно страницы первого оригинального издания. Это сильно упрощает всякую работу при отыскивании цитат по первоначальному изданию, которое не всегда может быть под руками.

¹ Ibid., XVI.

² Ibid., XXV.

³ Asín, XXIII.

⁴ Ibid.

⁵ Биографические данные с большей подробностью приводятся даже в речи Pidalu Mon при вступлении Риберы в Королевскую Испанскую Академию (Discursos leídos... el día 26 de mayo de 1912, стр. 74—84) и в предисловии к 3 изд. La Enseñanza... (Cordoba, 1925, стр. 6—10).

Все эти мелкие пожелания можно высказывать, повторяю, только из стремления получить больше от того, кто дает и без того много. А дано действительно много. Впервые фигура скромного испанского арабиста встает в настоящем свете перед глазами западных коллег и едва ли какое-нибудь другое издание последних лет рисует столь яркую картину работы испанской арабистики за истекшие полвека.¹

И. Крачковский.

Кух-и-Бут.
Август 1928.

¹ До настоящего времени (февраль 1929 г.) мне известны только две заметки об этом сборнике: арабская Н. Lammens'a, *al-Machriq*, XXVI, 1928, 903-907 и итальянская С. А. Nallino, *Oriente Moderno*, IX, 1929, 54—55.